

Н.С. ЛЕСКОВ

Николай Семёнович Лесков

Продукт природы

Содержание

Глава первая	0005
Глава вторая	0009
Глава третья	0014
Глава четвертая	0017
Глава пятая	0022
Глава шестая	0024
Глава седьмая	0027
Глава восьмая	0030
Глава девятая	0034
Глава десятая	0036
Глава одиннадцатая	0040

Николай Лесков

Продукт природы

Сравнительно с народною толпою мало явлений заслуживает большего изучения.

Она настоящий продукт природы: все прочее только гримасы, а здесь искренность и действительность.

Смотри на народную толпу, если хочешь, с трепетом, но смотри внимательно: то, что она сделает, никому не известно, и еще менее ей самой.
Карлейль

Глава первая

В течение моей жизни мне привелось видеть, как двигаются с места на место переселенцы и что с ними при этом иногда происходит. Расскажу здесь один маленький случай, который остался у меня на всю жизнь в памяти. Дело было незадолго до уничтожения крепостного права. Ходили уже надежные слухи об «освобождении», но тем не менее купля и продажа людей еще производилась свободно. Пользуясь этим, некоторые именитые лица совершали тогда большие заселения принадлежавших им степных мест крестьянами, купленными на вывод из срединных губерний.

У меня был родственник, муж моей тетки, обруселый англичанин. Он был человек недюжинный и в одном отношении предупредил даже на сорок лет этику «Крейцеровой сонаты». Опасаясь, чтобы на него при выборе жены не подействовали подкупающим образом «луна, джерси и нашлепка», он отважился выбирать себе невесту в будничной простоте и для того объехал соседние дворян-

ские дома, нарядившись «молодцом» при разносчике. Таким образом он увидел всех барышень в их будничном уборе и, собрав о них сведения от прислуги, сделал брачное предложение моей тетушке, которая имела прелестный характер. Вообще о нем говорили, что он – *практик*. Он управлял огромными имениями очень важного лица и, между прочим, имел своею обязанностью заселять степи: образовывать на них новые деревни и заводить там правильное полевое хозяйство. Людей, которых вели сюда, скупали на вывод у разных помещиков в губерниях Орловской и Курской, отчего «сводные люди» делились на два народа: «народ орловский» и «народ курский». «Орловский народ» считался «пошелеватее», а куряне – «ведомые кметы» – подразумевались якобы «подурасливее».

Переселяли людей в степи тогда большими партиями. Сколько я помню в мои детские годы, в наших местах «сбивали народ», то есть совокупляли партии людей на вывод два раза, и в оба эти раза по деревням стоял стон, а на выводных людей жалко было смотреть, хотя между ними немало было и таких, кото-

рые не унывали, а говорили, будто им «все равно – хуже не будет». В сводных дворах шла распродажа овец, телок, сох, борон и саней, – причем между бабами сцены «навечной разлуки» были раздирающие.

Один раз из нашего городишка было отправлено на подводах, кажется, около двухсот душ, и многие из выведенных мужиков вскоре же прибежали назад и стали прятаться в пустых овинах и в конопляниках. Когда их ловили – они рассказывали, что «ушли от вши и от вредных вод». Их отсылали в стан и секли. Кроме отбегателей, многие в дороге заболели: их некоторое время тащили на подводах, а потом «отставляли» где попало; худые, заморенные клячи в обозах падали, сбруя рвалась, колеса ломались, и вообще было много несчастья. Второй раз вывод людей из наших мест был еще неудачнее: между ними начался страшный «гнетучий понос», или «жиленье животами», – заболевших пришлось держать по дороге на квартирах и в землянках целую зиму. Половина людей перемерла, и убытки были большие, а потому в третий раз, о котором я буду рассказывать,

придумали отправить партию на судах, или, как тогда говорили, на «стругах», по Оке и Волге.

Партия была сборная с разных мест Орловской и Курской губерний, все от дворян мелкопоместных. В числе переселяемых крестьян были и дворовые и деревенские мужики. У дворовых не было ни скота, ни собственных телег. Они были довезены до пристани каким-то мне неизвестным способом и там посажены на барки. С некоторыми крестьянами были телеги и сохи: все это было погружено, или, лучше сказать, нагромождено, на барки, и семьи помещались и на телегах и под телегами. С некоторыми, мне помнится, были куры и на одной барке две или три овцы.

Глава вторая

Я тогда был еще очень молодой мальчик и не знал, к чему себя определить. То мне хотелось учиться наукам, то живописи, а родные желали, чтобы я шел служить. По их мнению, это выходило «всегда надежнее». Мне и хотелось и не хотелось служить: я знал, что на службе хорошо, но был уже немножко подпорчен фантазиями; я читал «Горе от ума», и все военные мне представлялись Скалозубами, а штатские – Молчалиными, и ни те, ни другие мне не нравились. По характеру моему мне нравилось какое-нибудь живое дело, и я рассказал это моей тетке, а та передала своему мужу. Англичанин стал мне советовать, чтобы я не начинал никакой казенной службы, а лучше приспособил бы себя к хозяйственным делам. Для того же, чтобы заохотить меня к этому, он сказал мне:

– Вот мы теперь переселяем партию крестьян, а граф недоволен тем, как их водят. Люди, которые водят наших переселенцев, по мнению графа (его принципала), все очень грубы, и я с ним отчасти согласен. Это непрак-

тично. Пускай это – *продукт природы*, но ведь и природа может мстить за себя: ожесточать народ и доводить его до ужаса и уныния никогда не надо, хотя, однако, совсем добрые и мягкосердые вожди тоже не годятся. Это уже доказано опытом: мягкосердому мужик сейчас на шею сядет и лаптем его толкать начнет. Нужны Пизарро, и у меня есть такой Пизарро, какого мне надобно. При них командиром идет очень надежный человек, из здешних орловских, называется Петр Семенов: умный мужик, но тиран. С ним сын его, тоже преспособный и тоже аспид: мужичонки у них пищат. Без таких, как Петр Семенов, однако нельзя: ведь идет целая орда, а с ордою и надо меры ордынские; но век такой, что надо немножко и цивилизации подпустить, – надо одною рукою карать, а другою – миловать. Вот я и хотел бы испробовать этакую маленькую конституционную затею, чтобы один казнил, а другой миловал. Отправляйся-ка ты с ними, и вникай, и Петру распоряжаться не мешай, но облегчай, что возможно. Я тебе дам главную доверенность с правом делать всякие амнистии.

– Я согласился.

– Вот и прекрасно! Официальное значение твое будет высоко над Петром, но ты, однако, смотри – не испортить дело: царствуй, но не управляй. Пусть на Петра жалуются, а ты *только милуй*.

В Орле я познакомился с нашим Пизарро. Это был черный кудрявый мужик лет сорока восьми или пятидесяти, мускулистый, сильный, живой, с черными огненными глазами, черными сросшимися над носом бровями, курносый носом и маленькой черной окладистой бородой. Выражение лица у него было сильное, смелое, решительное и довольно жестокое. При нем находился в помощниках сын его Дороша – молодец лет двадцати двух или трех, чрезвычайно похожий на своего отца.

Дядя мой отрекомендовал меня Петру Семенову и просил его учить меня, а мне сказал, чтобы я жил с ним в ладах и чтобы мы довели благополучно порученный нам «продукт природы».

Дядя был в прекрасном настроении и говорил приятные слова, на которые Пизарро от-

вечал в ласковом тоне, но с неуловимым букетом иронии и вероломства. Дядя рассуждал, что русский мужик – самый выносливый продукт природы, что он не избалован и путина его не может замучить.

– Пусть только было бы чем ему напихать брюхо, чтобы в пустом брюхе не щелкало, а то он тысячи верст отмахает, как котильон протанцует.

И Петру Семенову это слово понравилось: он улыбнулся одними углами рта и подтвердил:

– Так-с точно: котильоном и докатимся.

– Катитесь, – отвечал дядя, – катитесь!

И в излишнем, может быть, умилении он не заметил злобы Пизарро и, вне своего обычая, поблагословил нас рукою.

– Оберегайте продукт и катитесь котильоном!

Перевозимые крестьяне в это время уже были «посажены на струга», и самой тяжелой процессии – посадки, я не видел. Рассказывали мне, будто происходили раздирающие сцены – особенно когда выведенные крестьяне прощались со сватами и соседями: многие

будто бы «хотели бунтовать», но Петр Семенов предупредил бунт: он послал Дорошу в полицию; и оттуда подоспели «три полицейские казака с пикою», и все кончилось: «продукт природы» был погружен, и барку тотчас же отчалили от берега и остановили посередине реки.

Тем прощанье «продукта» и кончилось.

Глава третья

Петр Семенов возил меня показывать, как «народы помещались» на барках. На двух были «шельмоватые» народы орловские, а на третьей «дурасливые» куряне. Над каждым из этих народов были приставленные из своего народа «старосты». Над орловскими старостю был тележник Фефёл, о котором Петр сообщил мне, что он был человек дорогой, но незадолго перед этим убил оглоблей человека, который пришел звать его ужинать. Это скрыли, а про всякий случай Фефёла поскорее дешево продали.

– Над орловскими шельмецами такой именно и нужен, – говорил Пизарро.

Курскими людьми заведовал орловский мужик Михайло, человек добрый и степенный.

– Курский народ – что цыплята!

Помню, как я первый раз увидал «народы» и их вождей.

Из дома мы отправились к Оке в тележке, которою правил Дороша. Мы с Петром Семеновым сидели на лавочке. Барки стояли за

пять верст за городом. Когда мы приехали, Петр Семенов стал свистеть, и от берега отвалила лодочка, в которой помещался Михайло, начальник курских народов; он нас привез на барки, и мы прошли между народом, причем я не заметил ничего особенно горького или угнетающего. Сидели люди босые, полураздетые, – словом, такие жалкие и обездоленные, как их обыкновенно видишь в русской деревне. Я тогда думал еще, что крестьяне и везде должны быть только в таком виде, как мы их привыкли видеть в России. Смирение их тоже было обычное в их положении. Петр Семенов обращался с ними грубо, как с «продуктом», не стоящим хорошего обхождения, а они относились к нему с подобострастием: величали его батюшкой Петром Семеновичем и излагали ему разные просьбы, на которые он отвечал резко, скоро, но, по правде сказать, всегда очень деловито. Воспользоваться моим высоким правом помилования я не имел никакого повода и не торопился с этим; я был уверен, что такой случай еще придет во время путины – и вот тогда я пущу в ход мои милостивые полномочия, и народы благословят

мое милосердие!

Глава четвертая

Когда мы перешли с одной барки на другую, то Петр Семенов показал мне в корме свою каютку. Это была тесовая каморка, в которой помещались две кровати: его и Дорошина, маленький шкафчик с чайным прибором, желтый сундучок, деревянные счеты, расходная книга и в углу образок с лампадой. Комната эта запиралась на замок, ключ от которого держал у себя староста Фёфёл. Такую же точно комнату Петр Семенович предполагал сделать и мне на одной из барок.

О том, как мы выплыли и как шли, я рассказывать не буду, потому что это потребовало бы много времени, да и не все теперь вспомнишь. Вообще же говоря, дни тянулись один за другим одинаково скучно, серо, без всякой деятельности. Самым любимым занятием у всех было «искаться».[1] Это было что-то вроде спорта. Мужики, бабы, дети – все постоянно искались, и занятие это было не только препровождением времени, но оно было вызвано и настоятельной необходимостью, потому что вошь ела «народы» беспо-

щадно.

Я не знаю, что такое называют вшивой болезнью, но думаю, что она не должна быть страшнее того, что я видел на переселенческих барках. Никакие усилия очиститься от насекомых не помогали. Несмотря на то, что крестьяне очень невзыскательны насчет опрятности, тут они взвыли:

– Съела вошь!.. Жалуйте – милуйте!.. в глаза лезет: зрак хочет выпить!

По баркам было неприятно и страшно ходить. Особенно ночью или в жаркую пору дня, когда истома размаривала людей и они хотели спать, но не могли крепко заснуть от зуда, который производили насекомые. В немом исступлении все скреблись ногтями и ерзали на одном месте или катались на пядь в одну сторону и на пядь в другую и потом вдруг вскакивали, сидели, поводя вокруг осевшими глазами, – иногда плакали и всегда непременно все «чухались». И это как только начнется в одном месте, так и «пойдет котильоном» повсеместно.

Своей скверной и ужасающей нечистоты люди не стыдились нимало, да и до того ли

им было, чтобы стыдиться, когда они от этого так ужасно страдали! Петра Семенова они боялись, но мне прямо совали покрытых вшами детей с отвратительными расчесами и кричали:

– Смотри-ка крестьян-то грапских, смотри! Отпиши ему: вот, мол, воши-то младенца-то божьего совсем источили.

Средств от этого не было никаких, и ни Петр, ни его сын, ни колесник с Михайлой ничего для облегчения людей не делали.

Бани нет, прудить (то есть калить белье) перед костром – нельзя, потому что на барках невозможно развести такое обширное пламя, перед которым все народы обнаготились бы, и остается терпеть. Но этого изо дня в день *нельзя терпеть!*

Орловские и курские мужики моются редко и плохо, потому что бань для этого они и дома не имеют, но дома они хоть парились изредка в тех самых печах, где пекли свой хлеб, а на барках и этого сделать невозможно!

– Пропадаем! – кричали они с отчаянными рыданиями, – вошь заточила до смерти!

А мы все-таки ничего не могли для них

сделать.

Правда, им было дозволено с барок купаться, но «народы» этого не хотели.

Крестьяне смотрят на купанье так, что это хорошо только для «прохлажденья», но мыться в негретой воде нельзя, и это мытье, хотя бы и с мылом, ни к чему будто бы не ведет.

– Да и мыться при барках негде: мужики будут глядеть на баб... Только стыд один; а кроме того, вошь от холодной воды еще пуще множится.

Словом, они купаться в реке не хотели. Тогда Петр с сыном решили их «поневолить», но они не захотели раздеваться, и мужики говорили, что их будто «лихоманка бьет», а бабы сказывали, что они «на себе имеют» и тому подобное.

Петр Семенов тотчас же обратил на это мое внимание и сказал:

– Вы должны это остановить: разве не слышите, что они все в одно слово кричат?.. В одно слово кричать нельзя!

После этого Петр Семенов стал употреблять меры понуждения в виде толчков и затрещин, а я положил пустить свое заступни-

чество и сделал это, всячески охраняя самолюбивый престиж распорядителя.

Он выслушал и, побледнев, ответил спокойно:

– Ах, значит, вы желаете, чтобы этот «продукт» не побуждать больше?

– Не так побуждать!

– А как же?

А я не знал как...

Но людей я, однако, защитил, и они это поняли и оценили.

Глава пятая

Так мы вышли из Оки в Волгу, и в Нижнем у нас вшивые народы опять заволновались: они вдруг приступили к Петру Семенову с «неслыханной» просьбой, чтобы он сводил их в баню! Он, разумеется, их не повел, а тогда оба народа, курские и орловские, стали кричать, шуметь, и я опять был призван для их устрашения и опять не умел исполнить этого, как должно. А когда я сказал, что мне людей жалко, то Петр Семенов ответил:

– Кому, сударь, людей жалко, тому не нужно братья народ на свод водить.

И он от меня отвернулся.

Я чувствовал, что он сказал мне правду, и мне в самом деле стало совестно.

Чтобы облегчить несколько свою душу, я купил пуд мыла, разрезал его с Михайлою на кусочки и роздал бабам-ребятницам. Бабы за это мне были очень благодарны, и вскоре объявили, что «вошь все одно», потому что «надо щелоку», а печей нет, и щелоку нет!

В следующем городе я купил уже два пуда мыла и опять роздал его бабам с детьми, но

Петр Семенов и за это на меня злился: он находил, что ежели мыло давать, то надо давать и другое многое, без чего обходиться нельзя, а тогда нельзя и конец положить надобностям.

Я начинал чувствовать, что я как будто порчу дело и что Петр Семенов того и гляди каким-то известным ему образом от меня освободится и уйдет один вождем всего «котильона».

Предчувствия эти и оправдались.

Глава шестая

Через два или три дня после того, как Пизарро сказал мне свои дерзости, у нас на орловской барке обнаружилось оригинальное и дерзкое покушение против власти: в стенке каюты Петра Семенова была просверлена дырочка, и в нее «вправлена соломинка». Приспособление это сделал какой-то «орловский шельма» для того, чтобы перепустать через соломинку вшей.

Петр и Дорофей этим страшно оскорбились и захотели во что бы то ни стало «отыскать виновных», а как никто в этой вине не признавался, то стали грозить «перестегать с пятого на десятого», но я этому воспротивился, и тогда к следующему же утру в стенах, горенки было открыто уже три пропускных дырки.

Петр еще сильнее требовал «перелущивать» всех, я я не давал, и при таких взаимных неудовольствиях мы спустились к посадке, где стали на якорь и где произошло с; нами невероятное и удивительное событие.

Это было вечером под какой-то праздник,

но под какой именно, я теперь не припомню. Был это праздник большой, и Петр Семенов, которому надо было сделать продовольственные запасы, боялся, что завтра он их не найдет на базаре, а потому он сейчас же отправился на берег вместе с сыном и с тремя мужиками, я остался на барках, и тут-то «народы», не видя между мною и собою никакого средостения, окружили меня и начали мне открывать свои обиды на Петра, который не давал будто им и хлеба и соли, напрасно стеснял их свободу и напрасно же обвинял их в том, что они будто просверлили дырки и пускали нечисть.

– Все, мол, это напраслины, а дырки просверлил не кто иной, как Петров сын, Дорошка, по злобе на мужика, к жене которого Дорошка «ластился».

И тотчас же вслед за этим я услышал из среды «народов» вопль единодушный и ужасный: эти люди, братья мои, рыдая, вопили, чтобы я сжалился над их страданием и пустил их на берег в баню, смыть изъязвляющую их нечисть... Они томились, рвались и галлюцинировали «банькой».

Должен или не должен был я внять этой истоме и этому молению моих обовшивевших братьев?

Глава седьмая

Не могу сказать, действительно ли на берегу топились бани, или народам так хотелось мыться, что они галлюцинировали, но они уверяли меня, что там топятся бани на берегу, и что в бани пускают нынче по грошу, и что если их пустят, они все вымоются и через час назад будут. Тогда пустить других. Я смотрел на тележника и на Михайлу. Тележник по своему обыкновению только улыбался, а Михайло молчал, а вопль был несносен и в самом деле мог достигать до господ. В довершение картины и для большего мучения моих чувств выскочил какой-то мужичонка и начал тыкать мне в глаза маленького умирающего мальчика, у которого во всех складках тела, как живой бисер, переливали насекомые.

– Вот! – кричал мужик, – вот, смотри это! – а потом он швырнул ребенка на пол, как полено, и обнажил свои покрытые лохмотьями ребра, и тут я увидел, что у него под мышками и между его запавшими ребрами нечто такое, чего не могу изобразить и чего тогда я не

мог стерпеть, и сказал:

– Хорошо!.. На мне будет ответ за вас, но я вам дам денег на баню: устройтесь как надо и ступайте на берег, вымойтесь.

Посадили мы сорок человек на лодки и пустили их на берег в бани под надежной командой доброго Михаила, который должен был этих людей высадить и прислать нам лодки обратно с гребцами.

На берегу всё еще звонили к вечерне или ко всенощной, и, как всем нам казалось, – оттуда ветерком доносило запах пара и банного веника.

Я стоял на барке и смотрел, как наши лодки доплыли до берега, и видел, как люди стали из них выходить – шибко-шибко, один за другим, как воробьи, выпрыгнули с живостью, которой трудно было ожидать, от их неуклюжества, и затем... лодки стоят у берега и назад не возвращаются... И нам туда послать не на чем, и нет нам оттуда ни гласа, ни послушания...

Это стало удивительно!

Ждем полчаса, час, наконец становится темно, – никого нет, а вдруг в темноте плеск

весел, и... является, как сатана злой и надменный, Петр Семенов.

Глава восьмая

Я чувствовал, что случилось что-то дурное, и не ошибся; случилось вот что: отпущенные мною в баню многострадальные люди, заверив меня, что я за них «не отвечу», совсем не пошли в баню, а как выпрыгнули на берег, так и *пошли в Орловскую губернию*.

– Они нам – вшивая братия – хорошо поусердствовали, и вы их хорошо пожалели! – заключил Петр Семеныч и сейчас же, перейдя с шуточного тона в самый серьезный, добавил: – Ну-с, ждать нельзя! извольте брать с собою доверенность и поедemте на берег: я уже упредил начальника, и он готов: сейчас надо их догнать! Эта баня экономии дорого обойдется!

Дело приняло такой оборот, что все были виноваты, а прав один Петр Семенов, и потому весь преферанс был на его стороне, и надо было ему повиноваться, и повиноваться скоро и без рассуждений. Пизарро меня победил и уже начинал торжествовать свою победу. Когда мы проходили к лодке, он шел впереди меня с фонарем и, остановясь возле одной мо-

лодой женщины, кормившей грудью ребенка, с бесстыжею наглостью осветил ее раскрытую грудь своим фонарем. По груди что-то серело, точно тюль, и эта тюль двигалась, смешиваясь у соска с каплями синего молока, от которого отпал ребенок.

Уста Пизарро искривила презрительная улыбка, и он отхватил фонарь и проговорил:

– Как не поверить, что мой сын на этукую прелесть польстится!

Мы плыли в гордом молчании, но как только вышли на берег, Петр сейчас же настойчиво спросил у меня мою доверенность и требовал, чтобы я сам в дело не мешался, а подождал его в трактире. Теперь он прямо говорил мне, что я могу испортить все дело.

Я ему поверил, и он поехал к чиновнику, уряд которого был мне не ясен: Петр называл его то исправником, то просто начальником, и вскоре же с ним и с его тремя казаками они погнались за беглецами, которых без труда догнали на пятой версте, оборотили их и погнали назад под прикрытием тех же трех полицейских казаков, из которых опять, как в Орле, только у одного была пика.

Несмотря на ночной сумрак, я видел, как их «гнали». Перед этим шел дождь, а почва была глинистая, и было смешно и жалко смотреть, как они шлепали и как ноги их волоклись и расползались по мокрой глине, причем где скользила и падала одна передняя пара – то же самое проделывали и все другие, точно в самом деле вели котильон с повторением фигур.

Петр Семенов возвращался с исправником на дрожках и держал себя с ним с большим достоинством. Меня он отрекомендовал ему короткой фразой:

– Вот это на их имя доверенность, – и больше не сказал ни слова.

А завернутый в шинель исправник после этого нагнулся и прошептал мне на ухо:

– Прошу вас поспешить ко мне в дом... мы должны с вами *переговорить*. Пожалуйста, сию минуту!

Он опять запахнулся, и я заметил, что у него была какая-то звезда под капюшоном шинели. Он поехал, и я прошел к нему и ждал его довольно долго и в самом противном душевном настроении.

«Господи! – думал я, – как я дурно сделал! но мог ли я ожидать, что эти взрослые люди будут так безрассудны, что они покинут жен и детей и станут убегать куда-то, при ясной очевидности, что им убежать невозможно! Ручного барсука смело пускают в лес на охоту, оставляя взаперти его самку с детьми, и барсук не убегает, а возвращается в неволю к своей самке!.. А это ведь все-таки люди!»

Глава девятая

У меня было время подумать и о том, как им будет стыдно, когда их опять посадят на барки... Да, и мне завтра будет стыдно на них глядеть... А исправника все еще нет как нет... и мне очень скучно в его кабинете, а уйти неловко, да притом оказалось, что мне и нельзя уйти, потому что солдат, проводивший меня сюда, ушел и дверь за собою запер, так что я остался под арестом.

В таком неприятном положении я старался развлечь себя чем мог. К моему счастью, здесь были книги, и притом такие, которыми в тогдашнее время интересовались, – например, лекции московских профессоров: Кудрявцева, Грановского, Геймана и Рулье «О городской ласточке», письма Герцена «об изучении природы» с достопамятным вступлением «во славу Цереры, Помоны и их сродников» и русская Библия с казенною сургучною печатью на переплете.

Эта, очевидно, попала сюда по какому-нибудь особому случаю и жила в исправницкой библиотеке не «вроде арестанта».

Так как эта книга была тогда большою редкостью, то я начал ее просматривать и не заметил, как явился домой хозяин.

Глава десятая

Исправник, или, как оказалось, *неисправник* этот, был молодой человек и, по-видимому, принадлежал к числу «образованных дворян».

Когда я его видел на дрожках завернутым в шинель с странным орденом, сверкавшим из-под капюшона, он мне казался человеком солидным, как и надлежит быть исправнику, а теперь, когда он снял шинель, передо мною явилась просто «фитюлька», и вдобавок фитюлька эта вела себя чрезвычайно неосновательно. Во-первых, этот молодец вбежал к себе запыхавшись и напевая: «Услышь меня – полюби меня!»; а во-вторых, он удивился моему здесь присутствию, а потом начал извиняться и хохотать.

– Что прикажете делать? – заговорил он, – делаешь то, что можешь, и позабудешься, но зато, слава богу, все кончено: я всех выпорол!

– Кого выпороли?

– Этих ваших сорок бунтарей... Надо бы, конечно, отобрать зачинщиков, да ваш старик так просил, чтобы не отбирать, а лучше

«всех», да и что в самом деле их разбирать!

– Но позвольте... ведь это какое-то недоразумение!.. все сорок человек... Куда они побежали и так безропотно опять вернулись сюда...

Молодой человек расхохотался.

– О да! и не говорите! Болваны! Я вам откровенно скажу, наши люди – это болваны!.. Представьте вы в моем положении англичанина – ведь он бы, я уверен, растерялся, но мне настоящее знание этого народа дает на него настоящие средства. И это почему-с? потому что я здесь родился и вырос! Когда ваш мужик пришел и говорит: «Помогите – сорок человек убежало», я подумал: что делать? Мой начальник в отъезде, а я сам ведь ничего не значу и не имею никаких прав: ведь я простой приказный, я секретарь, не более того, но я знаю этот народ: и потому я взял трех калек, надел шинель с пристегнутой к ней большой пряжкой, догнал беглецов, скомандовал им: «Сволочь, назад!» и всех их привел назад и перепорол. Моя пряжка действует удивительно: я гоню их назад, как фараон, привожу и всех их секу; и не забудьте, секу их при их

же собственном великодушном и благосклонном содействии: они друг друга держат за ноги и за руки и сидят друг у друга на головах, и потом я их отправляю на барку, и все конечно. Они отплывают, а я стою на берегу и думаю: «Ах вы, сор славянский! Ах вы, дрянная родная!» Пусть бы кто-нибудь сам-третий проделал такую штуку над сорока французами!.. Черта-с два! А тут все прекрасно... И это еще, не забудьте, с моей простой пряжкой; но если бы у меня был настоящий орден!.. О, если бы у меня был орден! С настоящим орденом я бы один целую Россию выпорол! А ваши вещи все на пристани... Там ваше все... Вас нельзя было оставить с переселенцами... Ваш Петр говорит, что он иначе не отвечает за спокойствие, и я это понимаю: это справедливо; он и доверенность вашу увез с собой, и прекрасно сделал, а то надо было бы о вас доносить.

– Что же такое надо бы обо мне доносить?

– Да вот, что вы делали всеобщее возмущение.

И тут он объяснил мне, что спущенная мною на сушу группа взбунтовавшихся кре-

СТЯН могла вызвать движение, за которое, может быть, пришлось бы множество людей сослать, а теперь, благодаря его находчивости, все окончилось только тем, что он сорок человек перепорол и меня отставил...

Мне оставалось его поблагодарить.

Глава одиннадцатая

С тех пор, как происходило описанное приключение, уплыло много лет и многое изменилось. Кое-что даже и серьезно улучшилось, но слухи, доходящие до столиц о движении переселенцев, приносят, однако, всё старые, давно знакомые вести, из которых приходится заключать, что тут два стимула остаются неизменными: 1) «народы» поднимаются, не зная куда, и возвращаются, не зная зачем, и 2) «народы», во все время своего следования, все еще «чухаются» и «ищутся», потому что их «пожирает вошь». Последнее отвратительно до такой степени, что об этом никто не решается серьезно говорить, а только упоминают вскользь. И вот именно поэтому-то, может быть, дело «с исканием» все и остается в своем прежнем, ужасном положении; а это есть большое народное бедствие, которое промалчивать в печати стыдно и жестоко. Нечистота противна, песни об этом, за фортепианном сидя, не споешь и баллады на эту тему не напишешь, но надо отложить брезгливость в сторону и настойчиво говорить о нечисти,

чтобы ее уничтожить. Это настоящая *египетская казнь!* Партия переселенцев, плывшая в 1892 году во Владивосток, «обчесалась» в виду Коломбо, но ей в этом ничем не помогли, и люди так поплыли чесаться далее!.. Пусть знают наших, каковы мы в гости едем! А в собрании Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам в Петербурге, 14-го марта 1893 года, читали и говорили, что средств для помощи переселенцам мало, что их недостает «на самые вопиющие нужды» и что «крайнее скопление переселенцев развивает болезни», а вследствие того «они заражают бараки, в которых их помещают». По этому поводу общество взывает к «участию земств». А я считаю уместным рассказать здесь в «Переселенческом сборнике» то, что я видел на переселенческой барке, чтобы напомнить покровителям странных, что *самое большее бедствие для переселенцев это есть поедаящая их нечисть*. Отчего ничье милосердие не встречает их по дороге и не моет их в банях? Ведь они всё заразят, где ни при-ткнутся! Гейне был прав, говоря, что «кто любит народ, тот должен сводить его в баню». И

это первое, за что надо взяться повсеместно,
как только «продукт природы» надвигается.

*Впервые опубликовано – сборник «В
путь-дорогу», СПб., 1893.*

Примечания

Пишут, что это же самое составляло главное занятие русских поселенцев, которых перевезли в 1892 году на океанском пароходе из Одессы во Владивосток. Впрочем, этих, кроме «вшей», занимали еще карты, которых у нас не было. (Прим. автора.)

[^^^]